

минуту очень доволенъ, и потому неудивительно, что онъ только мелькомъ взглянулъ на Корнева и погрузился въ прежнее занятіе.

— Кавалеръ, а кавалеръ! — обратился къ нему Корневъ.

Старикъ бросилъ на него сердитый взглядъ изъ-подъ нахмуренныхъ сѣдыхъ бровей.

— Чего надо?

— Здѣсь, что ли, въ училище пройти?

— Тебѣ чего надо?

— Смотрителя бы надо повидать, — отвѣтилъ, улыбаясь, Корневъ.

— Смотрителя у насъ съ полгода ужъ нѣтъ — исправляющій вмѣсто него, Иванъ Филипычъ...

— Ну, хоть исправляющаго, если ужъ настоящаго нѣтъ.

Старикъ снова окинулъ его взглядомъ и отодвинулся къ сторонкѣ.

— Проходи! — разрѣшилъ онъ отрывисто, снова принимаясь за арбузъ.

Корневъ вошелъ на крыльцо и по галлерей обогнулъ домъ. По пути онъ безуспѣшно пытался отворить нѣсколько дверей. Наконецъ, одна дверь, обитая ободранной клеенкой, подалась, и онъ проникъ въ комнату, похожую на переднюю своимъ мрачнымъ видомъ и вѣшалками. Его охватилъ спертый затхлый воздухъ. Откуда-то изъ дальней комнаты слышались голоса, нестройный веселый смѣхъ, изъ котораго порой вырывался молодой, звонкій хохотъ, или старческое хихиканье, или сдержанный, благовоспитанный смѣшокъ. Корневъ раздѣлся и съ нѣкоторымъ волненіемъ пошелъ на голоса. Половицы подъ его шагами гнулись и жалобно скрипѣли. Стеклянные шкафы съ книгами дребезжали и звенѣли имъ въ отвѣтъ.

Въ небольшой комнатѣ, тоже уставленной шкафами, сидѣли вокругъ стола священникъ и двое учителей. Высокій художавый старикъ то останавливался у стола, то ходилъ изъ угла въ уголъ. Всѣ были веселы. Всѣхъ оживлялъ молодой человѣкъ въ потертомъ сѣренькомъ пиджачкѣ съ бархатнымъ воротникомъ, безъ галстука, съ огромной массой рыжеватыхъ вудрей надъ высокимъ выпуклымъ лбомъ, съ молодымъ, свѣжимъ лицомъ, покрытымъ веснушками. Онъ что-то разсказалъ передъ этимъ и всѣ еще смѣялись.

— Ну, и взяли? — спрашивалъ, звонко, неудержимо хихикая, священникъ, высокий художавый человѣкъ съ нѣсколькими волосами на кругломъ, полномъ лицѣ.